

Б. Н. ТАРАСОВ¹

СЫН РЕВОЛЮЦИИ ИЛИ КЕНТАВР (Ф. И. ТЮТЧЕВ О НАПОЛЕОНЕ)²

В статье рассматриваются содержание и значение оценок Тютчевым личности и деятельности Наполеона как сына революции и кентавра в рамках государственно-антропологической динамики мирового исторического процесса. Раскрывается характеристика поэтом революции как духовного принципа самовластия человеческого Я в соотношении с христианством, понятиями «законной» и «незаконной» империи и его конкретных воплощений в стратегии, тактике и реальной политике французского императора. Показывается неизбежность на историческом уровне столкновения Наполеона с Россией.

Ключевые слова: мировой исторический процесс, духовная антропология, христианство, революция, самовластие человеческого Я, «законная» и «незаконная» империя, Россия и Наполеон.

Фигуре Наполеона Тютчев придавал особое значение и видел в ней своеобразное концентрированное воплощение противоречивого единства «старого» и «нового», внешне парадоксальное, но внутренне закономерное саморазрушение идеи Империи в революционном действии, в «самовластии человеческого я». Наполеон для Тютчева – «великий человек», «самовластный гений», «великий волхв», не озарённый «освящающей силой, но поражённый змеино-орлиной демоничностью («Два демона ему служили...»). Такое двойственное восприятие весьма характерно для отношения к Наполеону в России. Например, для М. И. Кутузова Бонапарт, «когда-то великий и теперь ничтожный», этот «гордый завоеватель» и «современный Ахилл», является одновременно «смесью различных пороков и мерзостей», «бичом рода человеческого», а для Пушкина – «свершителем роковым безвестного вельня».

В трактате «Россия и Запад» Тютчев заключал: «В связи с Наполеоном занимались словопрением. Историческая реальность оказалась неопознанной, вот почему и Поэзия осталась незамеченной. Это кентавр – наполовину Революция, наполовину... Но своим нутром он тяготел к Революции» [9, 197].

¹ Борис Николаевич Тарасов – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); bntarasov@yandex.ru

² Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-34-11091а (ц) «Русская литература в мировом историческо-культурном контексте».

Эта неопознанная кентаврическая реальность с её поэзией нашла выражение в стихотворном цикле «Наполеон»:

I

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил – и изнемог в борьбе...
Не одолел её твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю её носил в самом себе...

II

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нём слились:
В его главе – орлы парили,
В его груди – змии вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полёт,
И в самом буйстве дерзновений
Змииной мудрости расчёт.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему..
Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл – презритель волн, –
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый чёлн.

III

И ты стоял – перед тобой Россия!
И, вещий волхв, в предчувствии борьбы,
Ты сам слова промолвил роковые:
«Да сбудутся ея судьбы!..»

Оценка деятельности французского императора как кентавра и сына революции, безуспешно сражавшегося со своей матерью и роковым образом оступившегося на «рубеже России», происходит у Тютчева в рамках раскрытия духовно-антропологической динамики мирового исторического процесса и места в нем «законных» и «незаконных» империй, а также своеобразного понимания Революции как его движущего начала.

Тютчев рассматривал всякие революционные тенденции (в том числе идеологические распри, сословные столкновения или классовую борьбу) не обособленно, а как различные по содержанию и форме модификации фундаментальной метафизической закономерности бытия и непрерывной традиции, в которой человек, вслед за Адамом и подобно ему, противопоставляется Творцу и ставит себя на Его место. Революция для Тютчева есть не только зримое историческое событие в смене власти или государственного строя, но и прежде всего Дух, Разум, Принцип, следствием которого оно (со всем многообразием своих имперских, социалистических, демократических, республиканских и т.п. идей) выступает. Корень Революции – удаление человека от Бога, её главный, исторически развившийся результат – «цивилизация Запада», «вся

современная мысль после её разрыва с Церковью», бесплодно полагающая в своём непослушании Божественной воле и в антропоцентрической гордыне гармонизировать общественные отношения в ограниченных рамках.

Таким образом, Тютчев рассматривал Революцию не как случайный взрыв и переворот, объясняемый злоупотреблениями власти и борьбой за неё, не только как практическое событие определённого времени, но и воплощённое в них состояние человеческого сознания и духа с дальнейшими неожиданными метаморфозами и непредсказуемыми последствиями. По Тютчеву, революция – это не только и не столько волнения, восстания, баррикады, смена правительств или новые конституции, научные методы, усовершенствованные технологии. Самая главная нигилистическая революция происходит тогда, когда теоцентризм уступает место антропоцентризму, утверждающему человека мерой всей, целиком от его планов и деятельности зависимой действительности, а абсолютная истина, «высшие надземные стремления», религиозные догматы замещаются рационалистическими и прагматическими ценностями. Этот антропологический поворот, определивший в эпоху Возрождения кардинальный сдвиг общественного сознания и проложивший основное русло для новой и новейшей истории, и стоит в центре внимания поэта как принципиально новая Матрица.

Разорвавший с Церковью гуманизм, подчёркивает Тютчев в трактате «Россия и Запад», породил Реформацию, Просвещение, Атеизм, Революцию и всю «современную мысль» западной цивилизации – апофеоз человеческого Я во всех проявлениях его деятельности. Сотворив себе кумиром свой собственный разум, человек вступает на путь «роковой последовательности отрицания», спешит разбить и его, обоготворить плоть, теряет в своей «разумности» и «цивилизованности» душу и дух и становится рабом низших свойств собственной природы (эгоцентризма, гедонизма, властолюбия, сребролюбия и т.д.). Овеществление духа, безграничное господство материи везде и всюду, торжество грубой силы, возвращение к временам варварства – таковы болезни и неистовства обоготворения человека человеком, самодовлеющего индивидуализма на личном, классовом, государственном уровнях, ведущие к большим и малым революциям, к грядущим войнам и геополитическим переделам.

В рамках первоначальной революционной матрицы Тютчев выявляет скрытый отрицательный потенциал последующих революций, в том числе и в нашей стране, и новейших гуманистических, реформаторских, эмансипаторских, научно-материалистических устремлений своего времени, обнаруживает снижение психологического уровня человека и обесценивание духовного содержания его деятельности. Он в резких выражениях («умственное бесстыдство», «страшное раздвоение», «призрачная свобода», «одичалый мир земной» и т.п.) оценивает «наш век», который утрачивает и абсолютную истину и религиозные основания жизни (и тем самым представление о высшем, об образе Божием в себе, о совести, чести, достоинстве, справедливости, милосердии, самопожертвовании и т.п.), заменяя их мифами прогресса, науки, разума, народовластия, гражданского общества, свободы слова и т.п., маскируя обмельчание и сплошную эгоизацию человеческих желаний, двойные стандарты, своекорыстные страсти и низменные расчёты. «Ложь, злая ложь растлила все умы, и целый мир стал воплощённой ложью». В такой антропосфере всякие новые революции являются лишь ещё одним

этапом в развитии «роковой последовательности отрицания», сменой караула, перестановками в этом процессе. По заключению протоиерея Георгия Флоровского, именно сосредоточенность на глубинах души человека и творимой им действительности позволяла оставаться Тютчеву прозорливцем в истории, разгадывать признаки её движения к Апокалипсису в «роковой последовательности отрицания», предсказывать Первую мировую войну, революцию в России, фашизм. В «революционное» и «апокалиптическое» время Тютчев обнаруживает появление партий и государств, «враждебных всему доброму и честному в Природе Человека», движимых лишь материальными интересами, готовых прибегнуть для их достижения к коварству и хитрости, соблюдать договоры и нарушать, прикидываться покровителем жертвы с целью доконать её, а истинного покровителя выдавать за убийцу и т.п., «упаковывать» убийцу в покровителя, выдавать захватчика за защитника в долгосрочной политической игре передела мира и перераспределения его ресурсов, в «исторической борьбе» Христианства и Революции.

Тютчевская парадигма и входящие в неё оценки человеческого сознания в различных стадиях дехристианизации исторического процесса позволяют поэту характеризовать фундаментальные противоречия в деятельности французского императора, в которой отсутствовали «Божий пламень» и «освящающая сила» и царило революционное «самовластие человеческого я», что и предопределило обрушение его змеино-орлиных рациональных планов при столкновении с непостижимым уму «подводным камнем веры».

В образе кентавра Тютчев подчёркивает изначальную и непримирённую двойственность правления и личности Наполеона, режим которого после переворота 18 брюмера существенно отличался и от революционного, и от реставрационного и не мог быть отождествлён ни с одним из них. На уровне метафизической риторики и поэтически оценочного возвеличивания кентаврическую сущность Бонапарта раскрывал Д. С. Мережковский, называвший его «человеком из Атлантиды», «последним воплощением бога-солнца», «Божиим посланником», но вынужденный признавать и доводы в пользу «корсиканского людоеда», «апокалиптического зверя из бездны», «антихриста» [5, 7].

В историософском плане Тютчева не могло не занимать противоречивое соединение республиканских и монархических, революционных и имперских элементов в деятельности Бонапарта, пытавшегося осуществить некий «синтез» исторического пути Франции от Хлодвига до Комитета общественного спасения. Уже находясь в изгнании, Бонапарт так осмыслял рассматриваемые противоречия: «Надо отличать революционные интересы от революционных теорий <...> Революционные теории годны лишь для разрушения контрреволюционных. Напротив, при монархическом правлении я сохранил интересы Революции, изгнав из неё теории» [11, т. 2, 102].

Ещё одну сторону своего кентавризма Наполеон раскрывает в беседе с другим свидетелем последних лет его жизни: «Что до меня, то я мог быть только коронованным Вашингтоном и мог стать им лишь среди убеждённых или господствующих королей <...> Достичь этого разумным путём я мог лишь с помощью всеобщей диктатуры, чего и добивался. Сочтут ли это за преступление? Подумают ли, что отказаться от этого было в человеческих силах? <...> Мне необходимо было победить в Москве!..» [11, т. ?, 273].

Республиканско-монархический «кентавр» по-разному проявлял себя в политике Наполеона. Современники называли его «Робеспьером на коне» и сравнивали, как, например, Стендаль, с Кромвелем: «Революция обрела своего Кромвеля...» [6, 45]. Сам Наполеон полагал, что как Английская республика умерла вместе с Кромвелем, так и Французская – вместе с ним. С другой стороны, он внимательно относился к опыту Комитета общественного спасения, оправдывал террор, лестно отзывался о Ж. Марате, Ж. Дантоне, М. Робеспьере.

Последнего он считал необыкновенной личностью и по своим нереализованным способностям наиболее выдающимся из всех людей [см. об этом: 12, т. 2, 175]. Освоение революционного опыта помогало ему осуществлять на практике автократические тенденции, которые всё заметнее нарастали в его деятельности и быстро воплотились сначала в пожизненном консульстве, а затем в восхождении Наполеона на трон в императорском достоинстве и в утверждении за его родом права престолонаследия. Монархическо-республиканская и имперско-демократическая парадоксальность своеобразно проявилась в выбитой медали, на одной стороне которой изображался портрет Бонапарта с надписью «Наполеон, Император Французов», а на другой были выгравированы слова: «Французская Республика, единая и неделимая». Логика «незаконной» империи диктовала свои условия, и в катехизисе Наполеона последний уже объявлялся наместником Бога на земле, а непокорность ему характеризовалась как противление божественному порядку.

Бонапарт гневался, когда его называли узурпатором, и, по свидетельству К. В. Меттерниха, говорил: «Я нов, как Империя; между Империей и мной существует совершенное сходство» [10, 221]. Имперские амбиции Наполеона распространялись далеко за пределы Европы, уходили за балканский горизонт и охватывали Закавказье, Турцию, Индию в мечтаемом «синтезе» Запада и Востока под началом его собственной короны. С точки зрения Тютчева, в таком имперском замахе отсутствовал «Божий пламень» и господствовал революционный дух «гения самовластного», предопределивший его пародийно-игровое воплощение и последовавшую затем несостоятельность. По словам Ф. Р. Шатобриана, перефразированным в стихах Тютчева, Наполеон есть «детище нашей революции, он паразитально похож на свою мать»; «рождённый главным образом для того, чтобы разрушать, Буонапарте несёт зло в самом себе» [8, 386–387]¹.

Особое внимание Тютчев уделяет подражательным проявлениям кентавричности Бонапарта, стремившегося стать Карлом Великим своего времени. Действительно, Наполеон вполне сознательно стремился «повторить» имперские амбиции и деяния своего исторического предшественника, что проявилось и в его «кентаврической» конституции: «Правление Республикой доверяется императору, титулуемому императором французов». Комментируя данную статью конституции, французский исследователь подчёркивает: «Этот

¹ О генетических, исторических, типологических аспектах кентаврической сущности Бонапарта см. в кн.: *Oeuvres littéraires et écrits militaires de Napoléon*. Vol. 1–3. P., 1967–1968; *Duverger M. La monarchie républicaine, ou Comment les démocrates se donnent des rois*. P., 1974; Великая Французская революция и Россия. М., 1989; Александр I, Наполеон и Балканы. Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997; *Боботов С. В. Наполеон Бонапарт – реформатор и законодатель*. М., 1998.

титул был предпочтён королевскому, чтобы пощадить обидчивость революционеров. Он соблазнил Наполеона своей “неограниченностью” и отсылкой к Карлу Великому» [13, 171]. Наполеон открыто заявлял, что «подобно Карлу Великому он будет императором Запада и что он принимает наследство не прежних французских королей, а наследство императора Карла Великого» [7, 149]. К. В. Меттерних, наблюдавший Наполеона вблизи и обнаруживавший в самой природе его личности безграничную и неутолимую жажду мирового господства, отмечал: «Его героями были Александр, Цезарь и, прежде всего, Карл Великий. Притязание стать по факту и по праву Преемником последнего странным образом занимало его. В нескончаемых дискуссиях со мной он блуждал и использовал наиболее слабые доводы для поддержания этого странного парадокса» [10, 220]. О плачевных результатах наполеоновской попытки восстановить Западную империю писал В. Г. Белинский: «В самом деле, чего он хотел? Сделать Францию могущественнейшею землёю в мире, чтоб, опираясь на её порабощение, самому деспотически владычествовать над всем миром, ругаясь над народным правом, и упрочить это владычество за свою династию. А чего достиг он? – Разорения, обезлюдения и позора Франции, а себе тюрьмы на бесплодной скале Атлантического океана» [2, 315]. В стремлении Бонапарта «повторить» Карла Великого Тютчев находил своеобразную пародийность, болезненную раздвоенность, неизбывную противоречивость и логическую и историческую необоснованность, поскольку несовместимый с имперским началом революционный принцип «самовластия человеческого я» лежал в фундаменте его вселенских притязаний.

Поэт объясняет эту пародийность отсутствием в возводимой империи необходимого фундамента и «законности», прочных исторических корней, христианских традиций и Богопослушания, нарушаемого, напротив, революционным самозахватом и своевольной гордыней. «Непорфирородный царь, возжелавший быть ещё непомазанным пророком» – так характеризовал Наполеона в 1813 г. святитель Филарет (Дроздов) в своём «Рассуждении о нравственных причинах неимоверных успехов наших в настоящей войне». Сущностную беспочвенность и обречённость самочинных имперских притязаний Бонапарта подчёркивал К. В. Меттерних, обнаруживая в них «привкус неуместных претензий выскочки»: «Возведённое им огромное здание было исключительно делом его собственных рук, и он сам стал его фундаментом, однако этому гигантскому сооружению недоставало прочных оснований; составлявшие его материалы являлись лишь обломками других зданий и частью прогнили, а частью не имели крепости уже при своём создании. Замок свода был приподнят, и строение рухнуло сверху донизу» [10, 225].

Особо в связи с этим поэт выделял историю коронавания Бонапарта, который, «не чувствуя за собой собственного права, всегда играл роль», и видел в ней символическое значение его правления. Подражая Карлу Великому, Наполеон пригласил римского папу лично участвовать в коронации и освятить её церковным помазанием. Однако если восемьсот лет назад Карл Великий отправился на эту церемонию ко Льву III в Рим, то новоиспечённый французский император пожелал, чтобы Пий VII сам прибыл к нему в Париж, в то время как его войска в Северной и Средней Италии угрожали Риму, а папа надеялся на увеличение своих владений и передачу легаций в собственные руки. В подобных обстоятельствах коронавание Наполеона изначально несло

на себе печать двойственности, конъюнктурности и пародийности, о которой Тютчев говорит ниже. Воскрешая права и претензии Карла Великого и играя на чувствах миллионов правоверных католиков, Бонапарт вместе с тем во всём хотел показать своё первенство над римским папой. Пик ритуала получил неожиданный символический смысл: император, не дожидаясь возле алтаря возложения на него короны, выхватил её из рук папы и сам надел её себе на голову (по мнению одного из авторитетных наполеоноведов, этот жест не являлся импровизацией, но был заранее составленным протоколом [13, 173]), а затем сам же короновал императрицу Жозефину. В дальнейшем «борьба» между Пием VII и Наполеоном продолжала на свой лад старые распри между римскими папами и германскими императорами; Рим был оккупирован французскими войсками в 1808 г., Папская область присоединена к Франции, а Пий VII находился под присмотром в Фонтенбло вплоть до падения Наполеона в 1814 г. О реальном отношении последнего к религии, конкордату, папе и их роли в собственной коронации свидетельствуют его слова: «Если бы в Риме не было пап, так на этот случай следовало бы их выдумать» [3, 203]¹.

По Тютчеву, несовместимое с духом подлинной христианской империи лицедейство в политической практике Наполеона обусловлено теми же причинами, что и её пародийность. Компенсируя недостаточность «законного» и «вечного» историософского фундамента в своей деятельности, он был вынужден прибегать к созданию искусственных обстоятельств, к подлогам и подменам, к демагогическим и актёрским приёмам. «Царствовать – значит играть роль, – заявлял Бонапарт. – Государя всегда должны быть на сцене» [4, 346]. Наполеон придавал большое значение печатной пропаганде и манипулированию общественным мнением, видя в них незаменимые орудия для создания с помощью ловкой казуистики необходимых стереотипов. По свидетельству современников, Наполеон нередко заставлял присяжных историографов с чрезмерным пафосом изображать свои победы, прославлять «героя», скрывать собственные промахи и преуменьшать воинскую славу других, а когда готовился к войне, то популяризировал лозунги мира. Особую роль в, так сказать, игровой системе французского монарха играла религия, которую он, в отличие от Тютчева, рассматривал не как божественную основу империи, а лишь как самый необходимый миф для «человеческих, слишком человеческих» построений. Ещё отправляясь в Египет, он взял с собой среди разных сочинений Ветхий и Новый Завет, Веды, Коран, но эти религиозные книги числились по разделу политики, которой и должны были служить. В Египте он представлял себя мусульманином, как бы используя миссионерские приёмы иезуитов (проповедуя христианство в Азии и Африке, они для достижения искомых целей нередко становились брахманами, факирами, конфуцианцами и т.п.). Незадолго до смерти Наполеон признавался: «Я очень счастлив, что не имею религии. Это большое утешение, что у меня нет никаких химерических страхов и что я совсем не боюсь будущего» [12, т. 2, 105–106]. Заклучая конкордат с папой после бурного периода радикального революционного атеизма, он заявлял, что восстанавливает религию «для себя», и видел в христианстве, говоря его собственными словами, не «тайну воплощения», а «тайну социального порядка», незаменимое средство для

¹ Подробнее об истории коронавания Бонапарта см.: *Masson Fr. Le Sacre et le couronnement de Napoléon. P., 1978; Cabanis J. Le Sacre de Napoléon. P., 1970.*

закрепления неравенства и успокоения бедных, которые должны надеяться на небесное воздаяние, а не убивать богатых на земле. Как самовластный рационалист и утилитарист, Бонапарт находил в Евангелии лишь «прекрасные притчи, превосходную мораль, но мало фактов» и внутренне предпочитал Коран. Он утверждал, что мусульманский рай «побуждает к битве и обещает блаженство тем, кто погибает в ней. Крылья ангелов врачуют раны. Таким образом, религия Магомета во многом способствовала успехам его оружия <...> Христианская религия не возбуждает отвагу. Как генерал, я не любил христиан в своей армии. Непредвиденная смерть так опасна; нужно столько труда, чтобы попасть в рай, такое значение придают последним моментам жизни, что это мало согласуется с воинственным духом и неожиданной гибелью» [12, т. 1, 120]. В католической же Франции Наполеон неизбежно должен был «играть» с христианством, использовать его как важнейшую составную часть имперского прагматизма. Такая игра была тесно связана с его общим представлением о человеке, в природе которого он хотя и обнаруживал определённые духовные достоинства и добродетели, но не находил для них существенной опоры, которой считал тщеславные корыстные интересы и личные выгоды. В спорах с К. В. Меттернихом он непоколебимо стоял на этом пункте, полагая, что для активной и успешной политики на социальной сцене и не может быть никакой другой опоры, и расценивал искренние высокие побуждения и благородные мотивы как бесплодное мечтательство. Тот же К. В. Меттерних отмечает, что чувства подданных ему людей Бонапарт сравнивал с чувствами детей и собак, на симпатиях и инстинктах которых следует искусно играть. Подобную игру проницательный австрийский дипломат обнаруживал «сквозь маски, которые французский император умело менял. В его причудах, остроумных выходках, приступах гнева, неожиданных вопросах я привык видеть столько сцен с подготовленными и изученными эффектами, рассчитанными на собеседника» [10, 218]. Отсутствие законного права Наполеон компенсировал пышными парадами и торжествами, созданием привилегированного дворянства и полицейского аппарата, перлюстрацией писем, негласным наблюдением за рабочими, крестьянами и военными, цензурой прессы, театральной и судебной деятельностью, что обесценивало вводившиеся в его правление Гражданский, Торговый и Уголовный кодексы и давало новые примеры республиканско-монархической «игры» его кентаврических проявлений.

Своеобразную кентаврическую двойственность, «противоречивые чувства, влечение и отталкивание» Тютчев обнаруживает у Бонапарта и по отношению к России. Диапазон его противоречивых чувств был достаточно широк и распространялся от стремления к союзу с Россией до желания её уничтожить, от презрения до почтения, ставшего более заметным после поражения Наполеона на полях Отечественной войны 1812 г. «Битвы проигрываются, такова военная участь, – говорил он. – В этом нет ничего постыдного. Русские храбры. Русские дойдут до Дуная. Если они захотят войти в Константинополь, им никто не помешает» [12, т. 1, 99–100]. Вместе с тем ранее он верил в быструю войну с «русскими варварами, у которых нет отечества и которым все страны кажутся лучше той, где они родились»: «Варварские народы суеверны и находятся во власти простых идей. Ужасный удар, нанесённый в сердце Империи, по Великой Москве, по Святой Москве, в одно мгновение предоставит на мою милость эту слепую невежествен-

ную массу» [13, 390]. С другой стороны, он боялся России как восходящей империи и рассчитывал в её «остановке» даже на союз с Англией, своим главным противником. Говоря в целом, можно утверждать, что Наполеон плохо знал не только историю, но и географию России. Среди бумаг походной канцелярии начальника штаба его армии маршала Бертье была обнаружена карта, на которой Китай начинался сразу же за Уралом. В войне с Россией он оказался недалёковидным стратегом, ибо, используя пропагандистскую «игру» (фальшивое «Завещание Петра Великого», якобы свидетельствовавшее об извечной агрессивности «русских варваров» и их стремлении к мировому господству, слухи о намерении освободить крестьян и т.п.), привычно учитывал лишь «арифметические» факторы: количество войск и вооружения, боевой авторитет и выучку личного состава, победные навыки и материальные интересы наёмников, опирался на корыстолюбивые начала человеческой природы и оставлял вне всякого внимания духовную сторону происходившего, православные и исторические традиции, когда в судьбоносные моменты забываются на время внутренние раздоры и сословные противоречия в общем самопожертвовании. Именно это самопожертвование более всего удивляло Наполеона у «скифов» (так он называл русских), хотя он упорно пытался, так сказать, материалистически оправдать своё поражение плохими погодными условиями, непредвиденными обстоятельствами, несвоевременностью принимаемых решений и т.п. Уже в изгнании Бонапарт продолжал по-своему удивляться и хаотически выражать «противоречивые чувства» по отношению к России: «Она угрожает Европе скорым вторжением. За тридцать лет 10–12 миллионов из самых прекрасных провинций Европы, Финляндия – это огромное приобретение. Швеция более ничем не угрожает России <...> Какая разница – принадлежать к такой державе, как Россия, или к Швеции, у которой нет ничего. У России есть деньги, слава, которую она может дать <...> Россия не такова, какой её себе представляют: в отсутствие магазинов московская дорога без затруднений кормила армию в триста тысяч человек. Москва оказалась огромной...» [12, т. 1, 99]. Уже на острове Святой Елены поверженный император «пророчествовал»: «Через пятьдесят лет Европа будет революционной, либо оказаченной» [1, 223].

В отличие от Бонапарта, Тютчев, напротив, считал, что «утлый чёлн» Наполеона разбился в щепы «о подводный камень веры» (ср. сходное понимание А. С. Хомякова: в борьбе с Наполеоном «огонь святыни» спалил «силу гордости земной»).

Поэт рассматривал Россию, сохранявшую ещё в качестве своей духовной и исторической основы «неповреждённое» христианство, древние церковные заветы и предания, как прямую правопреемницу «наследия Константина» и третье воплощение (Третий Рим) «Ромейского царства» после завоевания Константинополя турками: она и призвана в конечных метаморфозах «четвёртого царства» пророчества Даниила исполнить роль «удерживающего» от прихода «сына погибели» и «царства беззакония».

Согласно логике поэта, в нераздельности судеб священства и царства, неразрывности церковной и имперской истории Православие занимает иерархически главное место, даёт «освящающую силу» понятиям «законной власти», является «духом», оживляющим «тело» государства и наполняющим смыслом его должность, упорядочивая и сдерживая её от падения в языческую самодостаточность.

Вместе с тем Тютчев прекрасно сознавал, что оскудение «духа» и «принципа» в «теле» и «среде» ведёт к перерождению христианской империи, понижению её целей и задач, определяет в его эволюции «периоды слабости, остановок, помрачения» и падения. Идея «законной империи» тем и привлекала поэта, что сам её идейный принцип (способный исказиться в реальной действительности) предполагает неукоснительное следование Высшей Воле, соотнесение всякой государственной деятельности с религиозно-этическим началом, наполненность «учреждений» людьми совести, чести и долга, что гораздо важнее для истинного процветания державы, нежели материальное могущество, которое совершенно необходимо, но в своей вспомогательной, а не абсолютизированной роли.

Этапизм же и этнократия вне первенствующей и господствующей роли христианства, подчинение религии политике, а «духа» «телу» несут в себе своё собственное, до поры до времени не замечаемое, наказание (подобно тому, как древние языческие империи изнутри своей внешней мощи и кажущейся нерушимости не подозревали о подспудном гниении и грядущем распаде).

По Тютчеву, «незаконная» революционизированная империя и получила такое наказание на духовно-историческом уровне, столкнувшись с Россией, принявшей эстафету «законной» империи с её традициями и ещё пока сохранявшей в основе божественный правопорядок. Попытка возобновить дело Карла Великого «стала не только анахронизмом, как у Людовика XIV и Карла V, его предшественников, но и постыдной бессмыслицей. Ибо она делалась от имени Власти, Революции, взявшей на себя миссию стереть с лица земли все следы деятельности Карла Великого» [9, 198].

Отсюда, по заключению поэта, и неизбежный конфликт с закономерным для исторической реальности на её глубинном уровне исходом: «Поразительно: личный враг Наполеона – Англия. И тем не менее [разбился-то] он об Россию. Ибо именно Россия была его истинным противником – борьба между ними была борьбой между законной Империей и «коронованной Революцией» [9, 197]. В результате «утлый чёлн» мощного самовластного государства непостижимым умом образом разбился о «подводный камень веры».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И. С. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. М., 1886.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9.
3. Гораций Вернет. История Наполеона. М.: Сварог и К, 1997.
4. Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. [М.]: ОГИЗ, Госполитиздат, 1943.
5. Мережковский Д. С. Наполеон. М.: Республика, 1993.
6. Стендаль. Собр. соч.: в 15 т. М.: Правда, 1959. Т. 11.
7. Тарле Е. В. Наполеон. М.: Академия наук СССР, 1957.
8. Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. М.: Наука, 1965. Т. 1.
9. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч.: в 6 т. М.: Издательский Центр «Классика», 2003. Т. 3.
10. Bertier de Sauvigny G. Metternich et son temps. P., 1959.
11. Comte de Las Cases. Le memorial de Sainte-Hélène. Т. 1–2. P., 1951. Т. 1.
12. Général Bertrand Henri Gratien. Cahiers de Sainte-Hélène. Т. 1–2. P., 1941–1951.
13. Tulard J. Napoleon ou Le mythe du sauveur. P., 1977.